СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

СТИХИ

ЛИРИЧЕСКІЕ И ЛИРО-ЭПИЧЕСКІЕ

1907 СПБ

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

СТИХИ

ЛИРИЧЕСКІЕ И ЛИРО-ЭПИЧЕСКІЕ

1907 СПБ

Подругѣ моей.

Въ гулкой пещерности,
Въ тьмѣ отдаленія,
Самодовлѣнія,
Богомъ зачатая
Ярь непочатая,
Дщерь неизмѣрности
Щедрыхъ страстей,
Сонно колышется,
Матерью слышится,
Влажно-просторною,
Взоромъ проворною
Чревныхъ очей.

Скорбь исхожденія,
Путы утробныя,
Болѣсти гробныя,
Крикъ раздвоенія—
Радостный путь.
Сѣмя родимое,
Долго носимое,
Ликомъ пребудь!

Зачало.

Я подъ солнцемъ безпечальнымъ
Вѣрю свѣтамъ изначальнымъ,
Изливаемымъ во тьму.
Сумракъ—женское начало,
Сумракъ—вѣчное зачало,
Вѣрю свѣту и ему.

Свѣтъ отъ Свѣта оторвется,
Въ нѣдра темныя прольется,
И пробудится яйцо.
Хаосъ внуку улыбнется,
И вселенной сопричтется
Новозданное лицо.

Человѣкъ или планета
Проведетъ земныя лѣта,
И опять спадетъ лицо.
И вселенной улыбнется
И надъ Хаосомъ сомкнется
Возвращенное кольцо.

СОЛНЦЕ.

Т. Городецкой.

1.

Стою, всевидящее око,
На стражѣ гаснущихъ міровъ.
Мои огни—дыханье рока,
Мое вздыманье безъ оковъ.

Во мнѣ родился міръ планетный,
И отъ меня умретъ навѣкъ
И цвѣтъ растеній безотвѣтный,
И слѣпо-мудрый человѣкъ.

RBC/NcU SAVINE

2.

Мое лицо—тайникъ рожденій.
Оно металось въ колесѣ,
Въ горящемъ вихрѣ отпаденій,
Въ огнепылающей красѣ.

Оно осталось зоркимъ окомъ
Надъ застывающей землей,
И дышетъ въ пламени высокомъ
Въ лицо вселенной молодой.

И отъ него на мертвомъ тѣлѣ
Въ корѣ чуть тлѣющей земли
Плоды багряные зардѣли,
И злаки тучные взошли;

Зашевелились звѣри, гады,
И человѣкъ завылъ въ лѣсу,
Бросая алчущіе взгляды
На первозданную красу.

3.

Солнце любимое, солнце осеннее!
Не кручинься надъ лѣсомъ пустующимъ:
Горе горькое радости тлѣннѣе,
Не горюй же надъ міромъ горюющимъ.

Не одно ты въ просторахъ темнѣющихъ
Заблудилось и мчишься пустынями:
За тобой на лугахъ зеленѣющихъ
Жизнь, живучая веснами синими.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

1.

Все смѣнилось, все упало.
Мнѣ опять вселенной мало.
Этотъ кругъ—нѣмая млечность.
Что за нимъ—уже не вѣчность.

Не пространство. Что же, что же?
Не твое-ли, Хаосъ, ложе?
Съ кѣмъ лежишь ты, неутомный,
Свѣтоотче, въ дали темной?

2.

Ну, поцѣлуй. А въ этотъ мигъ
Умретъ ребенокъ.
И станетъ блѣденъ ликъ,
И профиль тонокъ.

На, приласкай. А наверху
Звѣзду развѣетъ:
Онъ тамъ провелъ соху
И слѣдомъ млѣетъ.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ.

1.

И въ день седьмой почилъ навѣкъ.
А міръ себѣ довлѣетъ.
И въ темныхъ кущахъ человѣкъ
Потомство сѣетъ.

И крохи чувствъ, сознаній, дѣлъ
Сплетаются въ громады.
Всему готовъ одинъ удѣлъ,
И нѣтъ пощады.

Упало сѣмя—будетъ плодъ.
Закатъ смѣненъ восходомъ.
Родился сынъ—рожденъ народъ.
Мигъ спѣетъ годомъ.

Куда течетъ, куда стремитъ
Съ шестого дня отплытій,
Въ какое море насъ вомчитъ
Рѣка событій?

Небытія иль бытія—
Ты все неправъ, почившій.
Да изнеможетъ мощь Твоя,
Изъ тьмы творившій!

И если скудость воззоветъ,
Взалкавъ, міры иные,
Пусть тьма уродствомъ изойдетъ
Въ просторы злые.

Безъ звуковъ, свѣтовъ и цвѣтовъ
Отцу да будетъ чадо:
Горѣлыхъ кубовъ и шаровъ
Шальное стадо.

2.

Лономъ ночи успокоенъ,
Ты съ утра ушелъ въ дозоръ—
И младенчески спокоенъ
Ясновидящій твой взоръ,—

Всѣ ли травы оросились,
Всѣ ли кущи на зарѣ
Птичьимъ пѣньемъ заискрились
Въ звонкогласномъ серебрѣ;

Всѣ ли очи излучаютъ
Ликованье бытія;
Всѣ ли чуютъ, всѣ ли чаютъ,
Что въ тебѣ свѣтаю Я.

Яръ.

ЯРИЛА.

1.

Оточили кремневый топоръ,
Собрались на зеленый коверъ,
Собрались подъ зеленый шатеръ.
Тамъ бѣлѣется стволъ обнаженный,
Тамъ бѣлѣется липовый стволъ.
Липа, нѣжное дерево, липа—
Липовый стволъ
Обнаженный.

Впереди, сѣдовласый, косматъ,
Подвигается старый вѣдунъ.
Пережилъ онъ двѣ тысячи лунъ,
Хоронилъ онъ топоръ.
Отъ далекихъ озеръ
Онъ пришелъ.
Ему первый ударъ
Въ бѣлый стволъ.

Вотъ двѣ жрицы десятой весны
Старику отданы.
Въ ихъ глазахъ
Только страхъ,

И, какъ стволъ, ихъ бѣлѣютъ тѣла.
Такъ бѣла
Только—нѣжное дерево—липа.

Взялъ одну и подвелъ,
Опрокинулъ на стволъ,
Привязалъ.
Просвистѣлъ топоромъ—
Залился голосокъ
И упалъ.
Такъ ударился первый ударъ.

Подымали другіе за нимъ
Тотъ кровавый топоръ,
Тотъ кремневый топоръ.
Въ тѣло разъ,
Въ липу два,
Опускали.

И кровавился стволъ,
Принимая лицо.
Вотъ черта—это носъ,
Вотъ дыра—это глазъ.
Въ тѣло разъ,
Въ липу два.
Покраснѣла трава,
Заалѣлся откосъ,
И у ногъ
Въ красныхъ пятнахъ лежитъ
Новый богъ.

2.

Дубовый Ярила
На палкѣ высокой
Подъ деревомъ сталъ,
Глазами сверкалъ.
Удрасъ и Барыба,—
Двѣ темныя глыбы—
Усѣлись рядкомъ.

Покрыты холстами,
Веселыя жрицы
Подходятъ.
И красны ихъ лица,
И спутанъ ихъ волосъ,
Но звонокъ ихъ голосъ:

—Удрасъ, Удрасъ,
Пади на насъ,
Тяжелый.
Удрасъ, ко мнѣ,
Поди ко мнѣ,
Веселый.
Покрой, покрой
Открытыхъ насъ
Собою.

Открой, открой
Закрытыхъ насъ
Собою.
—А ты, Барыба,
Оберемени.
Пустые дни
Отгони.
Барыба, Барыба,
Отяжели,
Беремя, Барыба,
Пошли.
Барыба, Барыба,
Ужъ я понесу,
Барыба, Барыба,
Ужъ я принесу.

Удрасъ и Барыба—
Двѣ темныя глыбы—
Нѣмѣютъ рядкомъ.

Своими холстами
Веселыя жрицы
Покрыли ихъ.
Краснѣе ихъ лица,
И спутаннѣй волосъ,
Но звонче ихъ голосъ:

—Ярила, Ярила,
Высокой Ярила,
Твои мы.

Яри насъ, яри насъ
Очима.
Конь въ полѣ ярится,
Ужъ князь заярится,
Прискаче.
Прискаче, поиме
Любую.
Ярила, Ярила,
Ярую!
Ярила, Ярила,
Твоя я!
Яри мя, яри мя,
Очима
Сверкая!

Высоко на палкѣ
Дубовый Ярила.

3.

Въ горенкѣ малой
У бабы безпалой
Дѣтей несудомъ.
Зайдетъ ли прохожій,
Засунется-ль лѣшій,
На свѣжей рогожѣ,
Алѣе моркови,
Милуетъ и тѣшитъ;
Ей всякое гоже,
Съ любымъ по любови,
Со всякимъ вдвоемъ.

Веселая хата
У бабы безпалой.
Роятся ребята,
Середній и малый,
Уродъ и удалый,
Поменѣ, поболѣ,
На волюшкѣ-волѣ.

Отцовъ позабыла.
Пришелъ и посѣялъ,
Кручину затѣялъ,

Кручину избыла,
И томятся губы,
Засуха постыла,
Пустыни не любы.

—Гдѣ батько мой, мамо?
—За тучами, тамо,
Гдѣ вѣтеръ ночуетъ.
—Гдѣ батя, родная?
—За тѣми лугами,
Гдѣ рѣчка лѣсная
Истоки пестуетъ.
—Гдѣ, мамо, родимый?
—За тѣми ночами,
Любимый,
Гдѣ мѣсяцъ жаруетъ.

Весною зеленой
У ярочки бѣлой
Ягненокъ роженый;
У горленки сизой
Горленокъ ядреный;
У пѣгой кобылы
Яръ-туръ жеребенокъ;
У бабы безпалой
Невиданный малый:
Отъ верха до низа
Рудой, пожелтѣлый,
Не, не, золоченый!
Ярила!

ВАЛКАЛАНДА.

1.

Велика страна Валка́ланда,
Грозенъ Таръ къ сынамъ Валка́ланды.
Опустился Таръ въ Валка́ланду
Сѣрой птицей долгокрылою.
И сказали люди: тучи,
Про его густыя крылья,
И разгнѣвали могучаго.
Десять лѣтъ висѣли крылья,
Десять лѣтъ мѣняли перья,
Десять лѣтъ летѣлъ въ Валкаланду
Бѣлый пухъ отъ крыльевъ Тара.
И взмолились люди Тару:
Мы темны передъ тобою,
Подними крыло святое,
Чтобы солнце золотое,
Чтобы небо голубое
Показалось надъ страною.

Грозенъ Таръ къ сынамъ Валка́ланды,
Но и Таръ бываетъ ласковъ:

На сто дней крыло онъ поднялъ
Изъ трехъ сотенъ дней годичныхъ,
Изъ трехъ сотенъ съ половиной.
И оставилъ такъ навѣки,
Чтобы солнце золотое,
Чтобы небо голубое
Было сто дней надъ страною,
А крыло его святое
Половину и двѣ сотни.

2.

Велика страна Валка̀ланда,
Кругло озеро Уюхта,
Славенъ городъ Юхтаари,
Знатенъ родъ Еякина̀совъ,
Знатенъ Оле Еякинасъ.
Бѣлокура Ялитара,
Ялитара Еякинасъ.

Какъ весной вершины сосенъ
Любитъ вѣтеръ горъ суровый;
Какъ весенній первый листикъ
Любитъ вѣтку - мать нагую;
Какъ зеленый цвѣтъ черники
Любитъ влагу мягкихъ кочекъ;
Какъ любила Юна Блава,
Пряха синей выси неба,
Пастуха воловъ вечернихъ:
Такъ любила Ялитара
Ону Кнута.
Каждый взоръ его былъ сладкой
Каплей меда въ соты сердца;

Каждымъ словомъ, какъ заклятьемъ,
Дорожило чутко ухо;
Каждый шагъ его на землю
Былъ землѣ ея надежды
Болью, жалящей, какъ пчелы.

Какъ осенній жадный вѣтеръ
Любитъ вихри желтыхъ листьевъ;
Какъ упрямый бѣлый корень
Любитъ трескъ засохшей почвы;
Какъ невидный крѣпкій верескъ
Любитъ гибель всѣхъ растеній;
Какъ любила злая Мара,
Пряха черной выси неба,
Пастуха быковъ разсвѣта:
Такъ любила Ойкаюка
Ону Кнута.
Каждый взоръ его былъ кровью,
Сердца теплой, алой кровью;
Слово каждое зарею
Заливало шею, тѣло;
Каждый взглядъ его на небо
Небесамъ ея желаній
Былъ укусомъ черной птицы,
Заклевавшей въ полѣ падаль.

ТАРЪ.

1.

Таръ мой властный, огнеокій,
Ты разбилъ мою ладью.
Я принесъ тебѣ высокій
Черепъ пива, сердце птицы и кутью.

Таръ мой грозный! Ты нещаденъ,
Ты угналъ мои стада.
Я принесъ мозги всѣхъ гадинъ,
Нѣтъ имъ счета, сколько пота и труда!

Таръ всевластный, вѣчно-гнѣвный,
Ты убилъ невѣсту дочь.
Я зажегъ костеръ полдневный,
Жегъ быковъ, не тронувъ мяса, день и ночь.

Таръ, о жадный! Самой сильной
Ты лишилъ меня жены.
Жертвы я не зналъ всесильнѣй:
Вылилъ кровь седьмого сына у сосны.

Таръ, на помощь! Чьей же властью
Стали дни мои пусты?
Жралъ ты жертвы полной пастью,
Ты безъ сердца—или все это не ты.

2.

Для тебя, мой лазоревый Таръ,
Приняла я людскую красу,
Расточила всесиліе чаръ,
Колдовала въ священномъ лѣсу.

Ты отвергъ меня, лунную дочь,
Золотую богиню серпа,
И напрасно къ тебѣ въ эту ночь
Пролегла небесами тропа.

Я спустилась въ жилище жреца,
Я забыла высокую мать.
Я слезами отмыла съ лица
Божества роковую печать.

Я носила дрова, собирала траву,
Отдавала себя колдуну,
И вотъ жрицей бездомной слыву
И встрѣчаю людскую весну.

Приготовлено ложе давно.
Приходи ко мнѣ, ласковый Таръ!
Голубою весной зажжено
Мое сердце, пылающій даръ.

ДѢВИЧЬИ ПѢСЕНКИ.

1.

Высоко мое окошко,
Око теремка;
Завивается дорожка,
Утекла рѣка.
До окна моя березка
Бѣлоснѣжный
Выситъ стволъ.
Бѣлый, нѣжный,
Онъ ушелъ
Въ поднебесье
Голубое,
Бѣлый весь.
Выйду ленточку повѣсить,
Въ зелень вѣтокъ
Алоцвѣтъ.
Иль окно мое завѣсить
Отъ навѣтокъ,
Или нѣтъ?

2.

Знаю мѣсто надъ рѣкой:
Вѣковой
Старый дубъ
Сердцу любъ.
Подойду,
Постою,
И уйду,
Запою.
А подъ дубомъ бѣлый крестъ
Безъ вѣнка,
И окрестъ
Водятъ розовыхъ невѣстъ
До вѣнка.
А надъ дубомъ бѣлый серпъ
Старика,
Широка его пасть,
Высока
Его власть
На ущербъ.
Милый, милый, поспѣши:
Заждалась...
Вонъ звѣзда оторвалась,
Понеслась
Въ тиши
За тобой.

ВЕСНА.

МОНАСТЫРСКАЯ.

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стѣны выбѣлены бѣло:
Мать игуменья велѣла.
У воротъ монастыря
Плачетъ дочка звонаря:

Ахъ, ты поле, моя воля,
Ахъ, дорòга дорогà!
Ахъ, мостокъ у чиста поля,
Свѣчка чиста четверга!

Ахъ, моя горѣла ярко,
Погасала у него.
Наклонился, дышетъ жарко,
Жарче сердца моего.

Я отстала, я осталась
У высокаго моста.
Пламя свѣчекъ колебалось,
Цѣловалися въ уста.

Гдѣ ты, милый, лобызаный,
Гдѣ ты, ласковый такой!
Ахъ, пары весны, туманы,
Ахъ, мой дѣвичій спокой!

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стѣны выбѣлены бѣло.
Мать игуменья велѣла
У воротъ монастыря
Не болтаться зря.

МОЛЧАЛЬНИЦА.

Ахъ, уста мои сомкнуты,
Молчаливый монастырь.
Пусть страницы разогнуты,
Ненаписана псалтырь:

Слово каждое убавитъ,
Слову-ль молвить могота?
Нестерпимое прославитъ
Счастье только нѣмота.

СЕСТРЫ.

Мы выросли въ темныхъ лѣсахъ,
Надъ озеромъ въ бѣлыхъ стѣнахъ,
Въ безбурныхъ, лазурныхъ мечтахъ.

Три лѣта отецъ приходилъ,
У стѣнъ три сосны посадилъ,
Родимую трижды любилъ.

И первою я родилась,
Когда въ небесахъ занялась
Весны голубой ипостась.

Свершилось теченье временъ,
Весною былъ храмъ отворёнъ,
Сестра закричала подъ звонъ.

И третья весна зацвѣла,
Когда наша мать умерла
И сестрамъ сестру принесла.

Росли мы въ дремотныхъ лѣсахъ,
Надъ озеромъ въ бѣлыхъ стѣнахъ,
Въ мечтаньяхъ и сладостныхъ снахъ.

Но нить совершеній текла.
Судьба неустанно пряла.
Грядущаго таяла мгла.

И выросла младшая дочь.
Таилась какъ вешняя ночь.
О небо, ея не порочь!

Любила зеркальность озеръ,
На днѣ различалъ ея взоръ
Возлеты и пропасти горъ.

И въ часъ восхожденья луны
Услышала гласъ глубины,
Ступила въ тайникъ старины.

Коса заплеснула тростникъ,
И лунный разсыпался ликъ,
И вспыхнулъ ликующій крикъ.

Такъ кинула бренный полонъ.
И сестрамъ оставила сонъ
Въ печальномъ сіяньи иконъ.

Такъ нить совершеній текла.
Судьба неустанно пряла.
Грядущаго таяла мгла.

Любила вторая сестра
Горѣнье, томленье костра,
Сіяніе звѣздъ до утра.

Ходила за чащу лѣсовъ,
Въ скиты огнепальныхъ отцовъ,
Въ обитель нѣмыхъ стариковъ.

Всенощныя службы несла,
Со свѣчкой сіяла-цвѣла,
И смутнаго сердцемъ ждала.

Ей грезился вѣрный женихъ,
Нѣжнѣе бѣличекъ младыхъ,
Алѣе колецъ огневыхъ.

И въ дымномъ горѣньи кадилъ,
Безплотнѣе ангельскихъ силъ
Онъ къ ней на вечерни сходилъ.

И вотъ—обрученье пришло:
Грозою молельню зажгло,
Со звономъ огнемъ унесло.

Осталась покорная рать
Крещенье огнемъ воспріять,
Во древѣ усохшемъ сгорать.

Была моя рана остра:
Вдвоемъ ли взошла ты, сестра,
На ложе святого костра?

Такъ нить совершеній текла,
Судьба неустанно пряла,
Грядущаго стаяла мгла.

Старухою въ скитъ прихожу,
Года за годами нижу,
На маковки церкви гляжу.

Все то же безмолвіе стѣнъ,
Все тотъ же цѣлительный плѣнъ,
Далекій земныхъ перемѣнъ.

РОСЯНКА.

ХЛЫСТОВСКАЯ.

Землица яровая,
Смуглица мать сырая,
Ни зги въ избенкѣ сѣрой.
Иди, иди, поилецъ!
Тряхни водицу съ крылецъ!
Сберемъ водицу съ вѣрой.

Мы заждались,
Стосковались,
Заплетая косы;
Притомились,
Уморились,
Собирая росы —
И надъ каждою росинкой
Приговаривая,
Дружку тонкой хворостинкой
Пріударивая:
Засидѣлись въ дѣвкахъ дѣвки,
Заневѣстились.
Эхъ вы, дѣвки однодневки,
Чѣмъ невѣстились!

Тѣмъ ли пятнышкомъ родимымъ,
Что на спинушкѣ,
Тѣмъ ли крестикомъ любимымъ
Изъ осинушки.
Въ огороженномъ двору,
На осиновомъ колу
Запѣваетъ пѣтушокъ.
Ѣдутъ, ѣдутъ по селу,
Будетъ, будетъ ввечеру
Всякой дѣвкѣ женишокъ.

Сидѣнье земляное,
Окошко слюдяное,
Ни зги въ избенкѣ сѣрой.
Пришелъ, пришелъ поилецъ!
Темно отъ сизыхъ крылецъ...
Ой, дружки, въ Бога вѣруй!

ЗНОЙ.

Не воздухъ, а золото,
Жидкое золото
Пролито въ міръ.
Скованъ безъ молота,
Жидкаго золота
Не движется міръ.

Высокое озеро,
Синее озеро,
Молча лежитъ.
Зелено-косматое,
Спячкой измятое,
Въ воду глядитъ.

Бѣлые волосы,
Длинные волосы
Небо прядетъ—
Небо безъ голоса,
Звонкаго голоса,
Молча прядетъ.

БЕРЕЗА.

Я полюбилъ тебя въ янтарный день,
Когда лазурью свѣтозарной
Рожденная, сочилась лѣнь
Изъ каждой вѣтки благодарной.

Бѣлѣло тѣло, бѣлое, какъ хмель
Кипучихъ волнъ озерныхъ.
Тянулъ, смѣясь, веселый Лель
Лучи волосьевъ черныхъ.

И самъ Ярила пышно увѣнчалъ
Концы волосъ зеленой кроной
И, заплетая, разметалъ
Въ цвѣту лазурномъ цвѣтъ зеленый.

ПОЛЮБОВНИЦЫ.

Древеницы въ лѣсу заплетали
Замурудные мхи-волоса.
Высоко пряди-космы взлетали,
Заметали, мели небеса.

«Поцѣлуй, зацѣлуй до утомы!»
Молвилъ той, что постарше была:
«Залучу въ золотыя хоромы,
Въ жемчуга облеку до чела».

«Жемчуга моей милой не стоятъ».
И подругу цѣлуетъ въ уста:
«Мнѣ парчой она небо покроетъ,
Изукраситъ въ цвѣты и цвѣта».

«Поцѣлуй, зацѣлуй до утомы!»
Молвилъ той, что моложе была:
«Залучу въ золотые хоромы,
Въ жемчуга облеку до чела».

— «Жемчуга моей милой не стоятъ.»
И подругу цѣлуетъ въ уста:
«Мнѣ парчей она землю покроетъ,
Изукраситъ въ цвѣты и цвѣта».

— «Такъ цѣлуйтесь, милуйтесь на волѣ!»
Молвилъ старшей и младшей, двоимъ:
«Закачусь въ многоцвѣтное поле,
Обнимусь съ родникомъ ледянымъ!»

ПРЕДКИ.

Въ космахъ зеленыхъ взлохмаченныхъ
Садъ и не садъ надо мной:
Жизней истраченныхъ
Сходъ вѣчевой.

Лѣшій корявыми лапами
Облако цѣпко схватилъ,
Сапами, храпами
Темь огласилъ.

Скорчилась, вся искорявилась,
Кленъ лѣшачиха сосетъ:
Горечь понравилась,
Горькую пьетъ.

Пялится окомъ рѣсничатымъ
Пращуръ въ березовый стволъ:
Въ тѣлѣ крупичатомъ
Язву нашелъ.

Штопать рогожи зеленыя
Щуръ на осину залѣзъ,
Нитки лощеныя
Тянетъ съ небесъ.

Прадѣдъ надъ елкой корячится,
Дѣдъ зеленя сторожитъ,
Выглянетъ, спрячется,
Хвоя дрожитъ.

Предки меня не чураются,
Въ космахъ зеленыхъ снуютъ.
Въ жизнь озираются,
Въ нежить зовутъ.

ОБОРОТЕНЬ.

Гложетъ вѣтку старый филинъ,
Долгимъ вѣкомъ обезсиленъ.

Морщитъ клювомъ, движетъ вѣкомъ.
Былъ онъ, былъ онъ человѣкомъ.

Въ терему-тюрьмѣ родился,
Въ воду къ матери просился.

Убѣжалъ въ лѣсную чащу:
Заманилъ зеленый пращуръ.

Рыскалъ, двигалъ чернолѣсьемъ,
Заливался лаемъ песьимъ.

Путалъ лѣшихъ голосами.
Древеницъ водилъ кругами.

Съ буйнымъ лѣсомъ разставался,
Въ небо темное вздымался.

Серпъ серебряный повѣсилъ,
Звѣзды числилъ, мѣрилъ, вѣсилъ.

Бѣгалъ посолонь къ зениту,
Раздувалъ огонь разлитый.

Сѣялъ дождикъ, нѣжилъ зерна,
Разстилалъ коверъ узорный.

И накрылся сѣрой кожей,
Чтобъ возлечь на птичье ложе.

ПЕЧЕРА.

Въ далекой печерѣ,
Въ божьей кельѣ,
Гдѣ люди и звѣри
Въ умномъ весельи
Сходятся вмѣстѣ,
Волкъ къ невѣстѣ,
Женихъ къ волчицѣ,
На красной тряпицѣ
Лежитъ моя самка.

Волкъ этотъ желтый
Когда пробѣгаетъ
По крышѣ,—
День наступаетъ.
А эта волчица
Когда пробѣгаетъ
По крышѣ,—
Тѣнь наступаетъ.

И передъ волкомъ,
И передъ волчицей
Бѣжитъ на дорогу,

Бѣжитъ моя самка
И Богу
Тряпицею машетъ.
И тянетъ по крышѣ
Мохнатою лапой
Тряпицу прекрасную:
Красную, красную.

И я, косолапый,
За машущей лапой
Тянусь черезъ воздухъ
За цвѣтомъ багровымъ,
И радостнымъ ревомъ
Колышется воздухъ,
И тряпка трясется,
И самка несется
Въ ревѣ багровомъ.

ЗМѢЮКА.

Алексѣю Ремизову

Чешуя моя зеленая,
Весной краснôй рощеная.
Чешую ту я чешу,
Лѣсомъ-лѣшанькой трушу.
На березкѣ, на дубочкѣ,
Не листочки,
А чешуйки.

Голова моя сѣдая,
Подъ сѣдинкой голубая.
Я кажиную весну
Глажу, прячу сѣдину.
Ни на небѣ облачка,
Ни сѣдого волоска
У змѣюки.

Какъ на рѣчкѣ на Тетерѣ
Разгуляньице теперя.
Черезъ рѣку пыльный мостъ,
Анъ не мостъ—змѣюкинъ хвостъ.

Я сидѣла, не хотѣла,
Къ пѣтухамъ домой поспѣла,
Подъ тулупомъ-кожухомъ,
Руку за руку съ цвѣткомъ.

ТЕРЕМОКЪ.

1.

Приходи въ теремокъ на зарѣ
Зажигать зоревыя уста.
Я подвинусь на тепломъ одрѣ,
Колыбелька не будетъ пуста.

Твои кудри сама расчешу—
Золотистѣе ржи, мягче льна.
Чую сердцемъ: подъ сердцемъ ношу,
И полна, и хмельна, все хмельна.

2.

За окномъ поутру загорятъ купола,
И въ лазурную тишь окунутся кресты,
На окнѣ слюдяная засвѣтится мгла,
На полу зацвѣтутъ голубые цвѣты.

Изъ-за полога выглянешь. Русой косой
Огневого на ткани коснешься пятна.
И подымешь рѣсницы. И взоръ голубой
Зацвѣтетъ голубѣй голубого окна.

ВЕЛИКАЯ МАТЬ.

1.

Ты пришла, Золотая Царица,
И лицо запрокинула въ небо,
Розовѣя у тайнъ Діониса,
И колосья насущнаго хлѣба
Розоватыя подняли лица,
Чтобы зерна Тобой налилися.

Ты уйдешь, Золотая Царица.
Разольются всенощныя тѣни.
Но вѣрна будетъ алому мигу
Рожь, причастница тайновидѣній,
И старуха, ломая коврыгу,
Скажетъ сказку о перьяхъ Жаръ-Птицы.

2.

Отчего узнается въ глазахъ
Позабытый, испуганный блескъ,
И на черныхъ, потусклыхъ волнахъ
Возникаетъ сіяющій плескъ?

Не тебя ли я въ рощѣ видалъ
Осѣненную богомъ лѣсовъ,
Не тебѣ ли я вѣтки кидалъ,
Изгибаясь за тѣнью кустовъ?

Не тебя-ли въ рѣкѣ я настигъ
Опьяненную теплой волной,
И не твой-ли разорванный крикъ
Испугалъ кобылицъ подъ горой?

И не ты ли въ лѣсу родила
Китовраса, козленка-пѣвца,
Чья звенящая пѣснь дотекла
До вечерняго слуха отца?

Умерла и возникла опять.
И у дѣвы въ потусклыхъ глазахъ
Узнается Великая Мать
Въ этомъ блескѣ на черныхъ волнахъ.

3.

Когда я фавномъ молодымъ
Носилъ дріадъ въ пустыя гнѣзда
И водяницамъ голубымъ
Бросалъ серебряныя звѣзды;

Когда я вышній воздухъ рвалъ
Пустынной птицей буйнокрылой
И водоскаты низвергалъ,
Топя снѣга кипящей силой,—

Я зналъ всѣ облики Твои,
Всѣ бытія въ Тебѣ явленья
Отъ взора чревнаго земли,
До взгляда нѣжнаго томленья.

ЮХАНО.

Рано-рано изъ тумана прорѣзаются лѣса;
Ѣдетъ Юхано на лодкѣ, съ лодкой движется леса.
Гладь озерная недвижна, берега какъ пояса.

Коренастый, низколобый, преисполненъ тучныхъ силъ.
Ѣдетъ Юхано на лодкѣ, ѣдетъ тихо, загрустилъ:
Нѣту милой, нѣтъ любимой, никого я не любилъ.

Зазвенѣли колокольчики съ далекихъ береговъ:
Это Тильда выгоняетъ на поля своихъ коровъ.
Какъ-то мальчикъ ея бѣлый этой осенью здоровъ?

Долетѣлъ до лодки, хриплый, съ береговъ собачій лай:
Лаетъ Вахти, сторожъ Айны... Ну-ка, сердце, вспоминай
Кто тамъ мальчика качаетъ въ колыбели, баю-бай?

Всколыхнулась громко рыба въ прибережныхъ тростникахъ.
Это ѣдетъ Маэстина, въ лодкѣ стоя на ногахъ;
Ѣдетъ бросить въ воду сѣти; тяжело ей на сносяхъ.

Гладь озерная недвижна, берега какъ пояса.
Ѣдетъ Юхано на лодкѣ, съ лодкой движется леса.
Нѣту милой, нѣтъ любимой, гдѣ ты дѣвушка-краса!

ОСЕННИЦА.

Вотъ недѣлю, двѣ недѣли
Дождикъ капаетъ, идетъ:
Желто-желтыя капели,
Рыжій, бурый, красный летъ.

Побѣлѣла куропатка,
Лѣсъ осыпанный сквозитъ:
Лодка, бѣлая касатка,
Въ желтой заводи стоитъ.

Зелененькій, зелененькій весенній мой лѣсокъ!
Любименькій, любименькій кудрявый мой дружокъ!
Подъ ельникомъ, подъ ельникомъ, на мягкомъ, мягкомъ мху
Не я-ль внизу томилася, а солнце наверху!

Рукавицы шерстяныя
Жаркимъ лѣтомъ начала,
Въ эти руки ледяныя
Бѣлымъ утромъ отдала.

По утрамъ морозъ бѣлѣетъ,
Скоро выпадетъ снѣжокъ.
Сердце зиму костенѣетъ,
На весну придетъ дружокъ.

Зелененькій, зелененькій весенній мой лѣсокъ,
Любименькій, любименькій кудрявый мой дружокъ!
Подъ ельникомъ, подъ ельникомъ на мягкомъ, мягкомъ мху
Не я-ль внизу раскинуся, а солнце наверху.

ГОРОДЪ.

Ой, сестрицы-водяницы, лѣшій братъ, огневики!
Погодите, подождите зажигать, вздувать костеръ!
Тамъ надъ кручей, возлѣ тучи, у текучи, у рѣки,
Я закованъ, я прикованъ, я въ плѣну у трехъ сестеръ.

Какъ и первая, Крикуша, затомила мой полонъ
Грудой каменныхъ, высокихъ, тупоокихъ коробовъ.
Какъ второю, Немогушей, я въ одежды заключенъ,
Мягкихъ складокъ шелестъ гадокъ, хуже каменныхъ оковъ.

Какъ и третья, Отвыкая, не пускаетъ пуще всѣхъ,
Уцѣпилась, притянула—завязаю въ волосахъ.
Братья, сестры, подождите соучастника утѣхъ:
Вотъ сейчасъ сорву полоны, долечу въ единый махъ.

Темь.

Неустанная дорога
Убѣгаетъ безъ огней
Отъ сознанія до Бога
И отъ неба до саней.

Костенѣя въ зимней скукѣ,
Мимо движутся стволы
И протягиваютъ руки,
Пальцы путая въ узлы.

Въ бѣлой шапкѣ, кривобокій,
Домъ нагнулся и заснулъ,
И ползетъ огонь безокій
Изъ его раздутыхъ скулъ.

Вотъ еще, другой и третій,
На колѣняхъ, въ простыняхъ,
Все уродовъ старыхъ дѣти
Съ красной точкою въ глазахъ.

Подойди, ударь въ окошко—
Сонно выглянетъ лицо,
Замяучитъ жалко кошка,
Кто-то выйдетъ на крыльцо:

«Что ты бродишь, непутевый,
Люди спятъ себѣ давно».
Звякнутъ старые засовы,
Въ темнотѣ умретъ окно.

И опять, не уставая,
Вверхъ дорога потечетъ,
Побѣжитъ, не убѣгая,
Деревянный небосводъ.

Темной ночью по улицѣ шумной
Пробѣгала съ надеждой безумной

Увидать въ очертаніяхъ встрѣчныхъ
Отраженіе обликовъ вѣчныхъ.

И желанье въ зрачкахъ обнажала.
И искала, искала, искала.

Возвращалась по лѣстницѣ черной
И звонила съ отвагой притворной

Но за дверью звонокъ оборвался
И упалъ, и звенѣлъ, извинялся.

Отворила старуха, шатаясь,
Мертвецомъ въ зеркалахъ отражаясь.

И ударила руганью четкой,
Замахнулась костлявою плеткой.

И по комнатамъ шаркала глухо
И огнемъ колыхала старуха.

И смотрѣла, какъ нѣжное тѣло
Возникало во мракѣ несмѣло.

А на улицахъ стало темнѣе,
У прохожихъ на сердцѣ смутнѣе.

Зарождались желанья и вяли.
Огоньки въ фонаряхъ потухали.

PER ASPERA.

Ты пришла съ лицомъ веселымъ,
Розы—щеки, бровь—стрѣла.
И подъ небомъ-нёбомъ голымъ
Въ пасти улицы пошла.

Продалась кому хотѣла.
И вернулась. На щекахъ
Пудра пятнами бѣлѣла,
Волосъ липнулъ на вискахъ.

И опять подъ желтымъ взоромъ
Въ тѣнь угла отведена,
Торопливымъ договоромъ
Цѣловать осуждена.

Сонно логовище стынетъ.
Не моя-ли череда?
Пастью улица не двинетъ,
Спала цѣпкая узда.

Въ отдаленьи тротуаровъ
Наволакивая свѣтъ,
Безъ шаговъ и безъ ударовъ
Придвигается разсвѣтъ.

Ты склонилась изъ тумана.
Холодѣетъ на рукѣ
Капля, стершая румяна
На обугленной щекѣ.

Алы розы одѣяла.
Кожа тонкая бѣла.
Ты Меня вчера искала,
Поутру Меня нашла.

ПАСТОРАЛЬ.

Вечерній сумракъ безпокоенъ,
Онъ надо мной, за мной стоитъ.
Прекрасный занавѣсъ раздвоенъ,
Явился взорамъ чудный видъ:

Надъ пастухами и пастушкой
Уютной хижины дымокъ.
Зоветъ пастушка милой ручкой
Зайти въ привѣтливый домокъ.

На небѣ тающій багрянецъ,
На небѣ тоже чудный видъ.
Мнѣ каждый часъ больнѣй румянецъ
Твоихъ старѣющихъ ланитъ.

Тебя ласкали, обнимали,
Придутъ еще, и ты пойдешь,
И не меня въ угарномъ залѣ
Рукой знакомой обоймешь.

И всѣ покинутъ представленье,
Актеры вымоютъ лицо,
Отъ утомленья и томленья
Прижму къ губамъ твое кольцо.

И заблужусь въ сѣтяхъ дорожекъ,
Въ тѣняхъ подстриженныхъ кустовъ,
Подъ рѣдкій стукъ унылыхъ дрожекъ,
Подъ всплески пьяныхъ голосовъ.

Усталой, смятой и печальной
Ты выйдешь къ утру въ пальтецѣ,
И я поймаю зорьки дальней
Живую алость на лицѣ.

УЛИЦА.

1.

Вспоминаю: весна начинается,
На постели болѣзная мать.
Сердце бьется, душа порывается
За ворота пойти постоять.

Каждый день онъ проходитъ, торопится,
Надвигаетъ на лобъ козырекъ.
Ахъ, когда-жъ на меня оборотится,
Пригласитъ провести вечерокъ!

Дождалася денечка туманнаго,
На кладбищѣ гуляемъ вдвоемъ.
Какъ смѣшно завились у желаннаго
Рыжеватые кудри кругомъ.

Вспоминаю: дожди проливаются,
Не дожди, мои слезы текутъ.
Подъ воротами стѣны качаются,
Мои ноги дверей не найдутъ.

Все равно теперь, кто ни попросится,
Все равно, кто теперь ни возьметъ.
Далеко мое сердце уносится,
Когда горе любовь продаетъ.

Каждый вечеръ, подъ ласками новыми
Опуская глаза, я молчу
И мечтами горючими, вдовыми
На кладбище пустое лечу.

2.

Подглядывалъ, высматривалъ и щурился глазкомъ:
Позвольте познакомиться, я, кажется, знакомъ.

Какъ подъ руку съ молоденькой пріятно погулять!
Теперь столоначальника желалъ-бы повстрѣчать.

Квартира холостецкая, живу невдалекѣ,
Не будетъ ли браслеточка вамъ эта по рукѣ?

Лоснится, свѣтитъ лысина изъ кучи одѣялъ.
Въ углу стѣна закапана: лампадку доливалъ.

Побудь еще, цыпленочекъ, быть можетъ, зацвѣту.
Ты видишь, я какъ яблоко, въ соку и во цвѣту.

Ахъ ноютъ, ноютъ ноженьки, вонъ видишь синій слѣдъ.
На память что подарите, ужель одинъ браслетъ.

ВЕСНА.

1.

ГОРОДСКАЯ.

Вся измучилась, устала,
Мужа мертваго прибрала,
Стала у окна.
Высоко окно подвала,
Грязью стекла закидала
Ранняя весна,

Подышать весной немножко,
Поглядѣть на свѣтъ въ окошко:
Ноги и дома;
И по лужамъ разливаясь,
Задыхается, срываясь,
Алая кайма.

Ноютъ руки молодыя,
Виснутъ слезы горевыя,
Темнота отъ мукъ.
Торжествуетъ, нагло-четокъ,
Конокъ стукъ и стукъ пролетокъ,
Деревянный стукъ.

2.

ДЕРЕВЕНСКАЯ.

Выступала по рыжимъ проталинамъ,
Растопляла снѣги голубы.
Подошла къ обнищалымъ завалинамъ,
Постучала въ окошко избы:

—Выди, дѣвка, веселая, красная!
Затяни золотую косу,
Завопи: ой весна, ой прекрасная,
Наведи на лицо мнѣ красу!

И выходитъ немытая, тощая:
—Охъ, бѣлянка, бѣлянка, прощай!
Осерчала Ты, Мать Пирогощая,
Богородица Мать, не серчай!

Лупоглазую телку послѣднюю,
Помогай намъ Никола, продамъ,
За лѣсокъ, на деревню сосѣднюю
Отведу по весеннимъ слѣдамъ.

РАЗЛУКА.

1.

Вѣтеръ, въ стекла не звени,
Нѣженъ міръ умершихъ нѣгъ.
Быстрый вѣтеръ, не гони
Желтыхъ листьевъ вялый бѣгъ.

Клонитъ душу поздній цвѣтъ.
Милъ лучамъ увялый листъ.
Будетъ снова? Будетъ, нѣтъ—
Прежній свѣтъ еще лучистъ.

—Дальше, дальше! Вянетъ день.
—Ну, хоть мигъ! Вотъ такъ. Блесни.
Брось въ пустое поле тѣнь
И тони въ своей тѣни.

2.

Стѣны сѣры, даль въ туманѣ.
Рѣчка рѣетъ подъ окномъ.
Приходи къ рѣкѣ заранѣ,
Я махну тебѣ платкомъ.

Въ свѣтѣ алой вечерницы,
Изъ печальной высоты
Я увижу изъ темницы
Какъ заломишь руки ты.

Мать любимая, родная,
Я съ тобой издалека—
Хочешь—сына огневая
До тебя домчитъ рѣка?

3.

Я помню близкое навѣки
Твое вечернее лицо
И полуспущенныя вѣки,
И брови нѣжное кольцо.

И въ каждомъ взорѣ незнакомомъ
Ищу утраченный огонь.
И легъ мой путь кривымъ изломомъ
По вѣхамъ чающихъ погонь.

И настигая, счастливъ снова:
О не блеснетъ-ли старый взглядъ!
Но безнадежно и сурово
Бичи прошедшаго казнятъ.

Въ зіяньи пьянаго убранства,
Кивая вѣками встаетъ,
Лицо, опухшее отъ пьянства,
И все еще несытый ротъ.

СМЕРТЬ.

1.

Я онѣмѣлъ и не дерзаю,
Лѣсной сосной завороженъ.
Изъ хвой мелькающихъ слагаю
Въ сѣтяхъ и аркахъ замокъ-сонъ.

Зелено-зеленъ цвѣтъ темницы,
Лишь черенъ шпиль-громоотводъ.
Глядитъ въ отверстіе бойницы
Все тотъ-же синій небосводъ.

Все тотъ-же синій и безглазый
И въ синевѣ своей пустой,
Струящій мелкіе алмазы
На иглы башни кружевной.

Все тотъ-же синій и смѣшливый,
Но чѣмъ смѣется—не узнать.
Торопитъ въ сонные заливы
Души разлившуюся гладь.

Проходитъ годъ или мгновенье,
Не различить, не уловить.
Истлѣла въ мертвомъ цѣпенѣньи
Возврата порванная нить.

Все зеленѣй, все гуще хвои,
Лишь черенъ шпиль-громоотводъ.
И ниже сонные покои,
И вотъ онъ, синій небосводъ.

Все тотъ-же синій и смѣшливый,
И чѣмъ смѣется—не узнать.
О черепъ бѣлый, прозорливый,
Умѣй же смѣху отвѣчать!

2.

Пришла и постучалась.
Не я ее впустилъ.
На двери тѣнь осталась,
Печать нездѣшнихъ силъ.

Поднявши покрывало,
Лицо мнѣ показала.
Ужасенъ былъ изгибъ
Одной брови надъ глазомъ.
Зрачекъ горѣлъ алмазомъ,
И пукъ волосъ прилипъ
Къ сырому лбу.
Въ гробу,
Кто лѣто пролежалъ,
Тотъ волосы такъ носитъ.

«Оставь меня!» сказалъ я,
«Оставь меня, не твой».
Но все же руку далъ я
Рукѣ ея нѣмой.
Кто знаетъ, тотъ не спроситъ,
Зачѣмъ я руку далъ.

Руки не отымая,
Тревогу убивая,
Спросилъ ее: «Куда?»
И странно отвѣчая,
Не мнѣ—я это знаю—
Она сказала: «Да».

И медленная сѣла
И въ сердце мнѣ глядѣла,
И сердце холодѣло,
И сердце замерло.

3.

Похорони меня на волѣ,
Насыпь курганъ и возлети
Огнемъ прощальнымъ въ небо-поле
И надъ могилою свѣти.

Пройдутъ вѣка, курганъ разроютъ,
Я улыбнуся ртомъ нѣмымъ,
И очи тьму свою раскроютъ
Лучамъ сіяющимъ твоимъ.

4.

Я оплакалъ себя, схоронилъ,
Отходную себѣ произнесъ.
Новый крестъ въ кучѣ старыхъ могилъ.
Бугорокъ надо мною вознесъ.

И не знаю, что дѣлать теперь,
Что мнѣ дѣлать теперь безъ меня.
Обметая могильную дверь,
Поживу до девятаго дня.

НА СМОЛЕНСКОЕ.

Въ дуплѣ трясучей конки
Старушки, старички—
Старинныя иконки,
Вчерашніе сморчки.

Задумались, мечтаютъ
О сказкахъ прожитыхъ.
Любовно вспоминаютъ
Покойниковъ родныхъ.

Краснѣютъ густо щечки,
Беззубый ротъ дрожитъ.
На голые височки
Сѣдая прядь бѣжитъ.

Давно ли, ахъ давно ли—
Забыть я не могу—
Дарилъ розаны Олѣ
На бархатномъ лугу.

Совсѣмъ, совсѣмъ недавно —
Ахъ, время-лицемѣръ!—
Вручала Жану славный
Изъ липы табакеръ.

И вотъ ужъ на гробницу
Безсмертники везу,
Взирая на столицу
Сквозь стекла и слезу.

Ползетъ уныло конка,
Скрипитъ дверной крючекъ.
Храпитъ у двери звонко
Ослабшій старичекъ.

СТРАННИКЪ.

Молвилъ дождику закапать,
Завернулась пыль.
Подвязалъ дорожный лапоть,
Прицѣпилъ костыль.

И по этой по дорогѣ
Закатился вдаль,
Окрестивъ худыя ноги,
Схоронивъ печаль.

ЧЕРТЯКА

1.

НА ПОБѢГУШКАХЪ.

Былъ я маленькимъ чертякой,
Надо мной смѣялся всякой,
Дергалъ хвостъ и ухо вилъ.
Огневикъ лизалъ уста мнѣ,
Земляникъ душилъ на камнѣ,
Водяникъ въ рѣкѣ томилъ.

Вѣдьмы хилыя ласкали,
Обнимали, цѣловали,
Угощали бѣленой.
До уморы, безъ отдышки,
Щекотали въ самой мышкѣ
Рады одури шальной.

На посылкахъ пожелтѣлый,
Я, отъ службы угорѣлый,
Угомону не знавалъ.
Сколько ладону, иконокъ

Изъ пустыхъ-святыхъ сторонокъ
Для другихъ наворовалъ.

Никакой не зналъ услады,
Только бабочки да гады,
Мухой сердцу угоди.
А надъ бѣлымъ, бѣлымъ тѣльцемъ
Воздыхающимъ сидѣльцемъ,
Приневоленный, сиди.

2.

ПОЛЮБОВНИКИ.

У мосточка, на крылечкѣ
Два кольца, одно колечко,
А колечку пары нѣтъ.
У попа попова дочка,
Попадья—сырая кочка,
А поповна—маковъ цвѣтъ.

Я сманилъ ее черникой,
Костяникой, голубикой
За лѣсокъ на бугорокъ.
Задурманилъ по болотамъ,
Припечалилъ приворотомъ,
И къ любови приволокъ.

Полюбила, заалѣлась,
Вся хвосточкомъ обвертѣлась,
Завалилась на луга.
Ненаглядный мой, пріятный,
Очень миленькій, занятный,
Гдѣ ты выпачкалъ рога?

До утра не разставались,
Яснымъ небомъ любовались,
На востокъ и на закатъ.
Поутру мутится рѣчка,
Настежь хриплое крылечко,
У попа въ избѣ набатъ.

Я отцу трезвоню въ ухо:
Осрамила потаскуха,
Дочки глупой не жалѣй.
Прогони жену за двери,
Такъ блудятъ шальные звѣри,
Ты вѣдь Божій іерей.

Потемнѣло, замутилось,
Мое сердце насладилось:
Къ дѣтямъ ласковы отцы.
Вотъ ужъ завтра подъ осиной
Буду въ радости осиной
Цѣловать ея рубцы.

3.

МАТЬ.

Душно, тѣсно подъ корягой,
Я хмельна болотной влагой,
Отпусти меня домой.
Не снести мнѣ полнолунья,
Птица, сѣрая вѣщунья,
Накричала предъ бѣдой.

Зажилъ ротикъ у ребенка,
Затянулись раны тонко,
Дай его мнѣ унести.
Будетъ онъ опять здоровымъ
Подъ людскимъ уютнымъ кровомъ
Въ ласкахъ матери рости.

Сонно слушаетъ чертяка.
Изъ полуночнаго мрака
Кажетъ мѣсяцъ полукругъ.
Поживемъ еще немного:
Какъ за пазухой у Бога,
У меня ты бѣдный другъ.

Никнетъ мать въ утомѣ черной,
Лучше быть ему покорной,
Все равно вѣдь, все равно.
Слезы-рѣченьки усохли,
Стоны по лѣсу заглохли,
Сердце-уголь сожжено.

Вотъ наступитъ полнолунье,
Понесу дитё колдуньѣ,
Не жива и не мертва.
И отъ жалости колючей
Подо мной, дурманъ пахучій,
Свянетъ горькая трава.

Будетъ тамъ на желтомъ свѣтѣ
Плясъ и гамъ, и ножъ, и плети,
Адовъ рай, ни дать, ни взять.
Свѣтъ родимая сторонка!
Хоть бы дали у ребенка
Утромъ раны зализать.

4.

НОВОЛУНІЕ.

Скорченный, скрюченный, въ мокрой корягѣ
Ночку за ночкой сижу.
Глазомъ ревнивымъ въ лѣсистомъ оврагѣ
Свѣтлую точку слѣжу.

Скоро потухнетъ огонь полуночный,
Лягутъ хозяева спать.
Буду я въ мукѣ-любови заочной
Жесткую травку щипать.

Нѣту мнѣ радости въ мірѣ веселомъ.
Что мнѣ мое вѣдовство!
Скрыто ли пологомъ ночи шелковымъ
Теми пустой торжество.

Я ли на мельницѣ воду не двигалъ,
Я-ль не ворочалъ колесъ,
Я ли не пѣлъ, не плясалъ и не прыгалъ,
Службу тяжелую несъ.

Зналъ я: къ очамъ съ голубой поволокой
Только огонь поднесу,
Вскинется духъ мой высоко-высоко,
Къ небу чело вознесу.

Мельникъ, ахъ мельникъ, судилъ ты иначе:
Вотъ ужъ не дѣвушка дочь.
Горьки мои похоронные плачи,
Тягостна старая ночь.

Въ липкую мглу протяну мои руки —
Темь и пуста, и мертва.
Канутъ ли въ темное томныя муки,
Или судьбина мертва?

Сырость крадется по шерсти измятой.
Хвостъ онѣмѣлъ, какъ чужой.
Въ мокрой корягѣ надъ хатой проклятой
Вянетъ чертяка лѣсной.

5.

БОГОМОЛЪ.

За моря, за окіяны,
За зеленые буяны
Я плетусь къ Адовику
Поклониться, приложиться,
У копытца помолиться,
Утолить печаль-тоску.

Рѣки синія текучи,
Сѣры облаки ползучи,
Путевой закрученъ хвостъ.
Посошекъ пылитъ дорогу,
Третъ песокъ больную ногу,
Путь ложится черезъ мостъ.

Свѣтитъ свѣтикъ дозакатный,
Богомолка путь обратный,
Ношу легкую, несетъ.
«Ты откуда, миловида?
«Дай мнѣ крестикъ отъ обиды,
«Богъ тя тамошній спасетъ».

Тяжелѣй идти далече.
Мнѣ котомка давитъ плечи,
Все текутъ, ползутъ края.
Вотъ ужъ виденъ этотъ камень,
А изъ камня бѣлый пламень,—
Адовикъ, страна твоя!

Вся разубрана камора,
Не видать иного взора,
Только взоръ Адовика.
Подступаетъ поклониться,
Приложиться, помолиться
Тварей вѣрная рѣка.

Вотъ и я пойду смиренный,
Велелѣпіемъ смятенный,
Уроню слезу-росу.
Улыбаясь, выну колкій
Крестикъ доброй богомолки
И тихонько вознесу.

Взвизгнетъ, дрогнетъ въ лютой корчѣ
Отъ моей веселой порчи
Завертится Адовикъ.
Я полынь-печаль тутъ брошу,
Шерсть курчавую взъерошу,
И завою, вскинувъ ликъ.

ПОСОЛЪ.

— Старушка, здравствуй! Гдѣ твой сынъ?
— Въ лѣсу блудитъ.
— А кто къ тебѣ залѣзъ за тынъ?
— Никто. — А кто въ гостяхъ сидитъ?

— Отстань, отстань. Сгинь съ глазъ моихъ.
Сидитъ мой гость.
— А песъ цѣпной чего притихъ
И чью такъ жадно гложетъ кость?

— Типунъ тебѣ. На глазъ наростъ.
Чего присохъ?
— Грѣшишь, старушка. Нынче постъ.
Скажи, костеръ кто ночью жегъ?

— Почемъ мнѣ знать, почемъ мнѣ знать!
Когда-жъ уйдешь!
— Постой-ка, кудри мнѣ погладь,
Слѣпа теперь, не узнаешь.

— Ахъ, милый мой! Да кто-жъ послалъ,
Ужели самъ?
Войди-жъ въ избу, давно-бъ сказалъ,
Остатки сладки другу дамъ.

Пробудешь ночь, соснемъ втроемъ,
Четвертый песъ.
Назадъ пойдешь съ моимъ мѣшкомъ
По первопутку бѣлыхъ росъ.

ИЗЪ КАЗЕНКИ.

Качай меня, баюкай, хмѣль,
Бери свое.
Иду во мхи, гдѣ выситъ ель
Густое остріе.

Крива тропа, нависнулъ лѣсъ.
Дымится паръ.
Навстрѣчу мнѣ зеленый бѣсъ,
Унылъ, сонливъ и старъ.

Ну, какъ у васъ? Ты что? Живой?
— Да вотъ, живу.
А ты?—А я мастеровой.
Иду туда, ко рву.

— Не ладно тамъ. Желты пески.
Ползутъ съ краевъ.
Сидятъ, молчатъ таки-сяки,
Скучнѣй замокшихъ совъ.

—А самъ-то какъ?—И самъ сова,
Труха трухой.
Гніетъ во мху, все трынъ-трава,
Лишь былъ бы хвостъ сухой.

— Бѣда совсѣмъ. А нѣтъ ли, братъ,
Еще вѣстей?
— Нагнись ка. Завтра, говорятъ,
За гатью сходка всѣхъ чертей.

ПОЭТЪ.

Александру Блоку.

На стражу мою сталъ я.
и, стоя на башнѣ, наблюдалъ,
чтобы узнать, что скажетъ
онъ во мнѣ.
Аввакума, II, 1.

1.

Высокую башню построилъ
Изъ самаго бѣлаго камня.
Изъ самаго нѣжнаго камня
Высокое ложе устроилъ.
И ночью покоился съ ночью.
И утромъ туманился съ утромъ,
И днемъ выпускалъ на молитву
Троихъ голубей сизокрылыхъ.
И рѣяли сизыя крылья
Въ глуби-голуби недотечной.
И рѣяли сизыя крылья
На тканяхъ Царевны Предвѣчной.
И башня бѣлѣла
У грани предѣла.

2.

Приползъ къ бѣлой башнѣ
И легъ у подножья. —
Остались на пашнѣ
Слѣды кровяные —
И стонетъ.

Пришла съ длинной грудью,
Пустой и холодной,
И дѣвочкой бѣлой,
Нѣмой и голодной,
И стонетъ.

Пришелъ сѣдовласый,
Звеня кандалами,
Потѣшилъ ребенка
Своими цѣпями
И стонетъ.

Стонъ цѣпенѣетъ.
Башня темнѣетъ.

Алое сердце изранено.
Кровь багренѣетъ надъ пашнями.
Падаютъ башнями
Тучи безшумныя.
Своды завалены.
Кровь заливаетъ развалины,
Липкая, красная.
Гдѣ ты, Царевна Прекрасная?..

3.

Трубу къ устамъ твоимъ,
Іосіи, VIII, 1,

Трубу къ устамъ твоимъ,
Забывшимъ крики.
Дари сіяньемъ огневымъ
Сердца и лики.

Земля зажглась опять. Опять
Рука подъята.
Узнай Меня, какъ могъ узнать
Въ огнѣ заката.

Исходъ.

Вячеславу Иванову

Безпредѣльна даль поляны.
Рѣетъ, вѣетъ стягъ румяный,
Діонисомъ осіянный.

И взываетъ древле-дико
Яркость солнечнаго лика,
Ярость пламеннаго крика:

Въ хороводы, въ хороводы,
О, соборуйтесь, народы,
Звѣзды, звѣри, горы, воды!

Вздымемъ голосъ хороводный
И осѣемъ сводъ безплодный
Цвѣтомъ радости народной.

Древній хаосъ потревожимъ,
Космосъ скованный низложимъ,
Мы вѣдь можемъ, можемъ, можемъ!

Только пламеннѣй желанья,
Только ярче ликованья,
Расколдуемъ мірозданье.

И предвѣчности далекой
Завопитъ огонь безокой,
Надъ толпою тайноокой,

И заплещетъ хаосъ пѣнный,
Возвращенный и безсмѣнный,
Вырываясь изъ вселенной.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр

Посвященіе 5
Въ гулкой пещерности 7

ЗАЧАЛО.

Я подъ солнцемъ безпечальнымъ 11

Солнце:

1. Стою, всевидящее око 12
2. Мое лицо—тайникъ рожденій 13
3. Солнце любимое, солнце осеннее 14

Млечный путь:

1. Все смѣнилось, все упало 15
2. Ну, поцѣлуй 16

Отецъ и сынъ:

1. И въ день седьмой почилъ навѣкъ 17
2. Лономъ ночи успокоенъ 19

ЯРЬ.

Ярила:

1. Оточили кремневый топоръ 23
2. Дубовый Ярила 25
3. Въ горенкѣ малой 28

Валкаланда. стр.
1. Велика страна Валкаланда 30
2. Какъ весной вершины сосенъ 32

Таръ:

1. Таръ мой властный, огнеокій 34
2. Для тебя, мой лазоревый Таръ 36

Дѣвичьи пѣсенки:

1. Высоко мое окошко 38
2. Знаю мѣсто подъ рѣкой 39

Весна (монастырская) 40
Молчальница 42
Сестры 43
Росянка (хлыстовская) 47
Зной 49
Береза 50
Полюбовницы 51
Предки 53
Оборотень 55
Печера 57
Змѣюка 59

Теремокъ:

1. Приходи въ теремокъ на зарѣ 61
2. За окномъ поутру загорятъ купола 62

Великая мать:

1. Ты пришла, Золотая Царица 63
2. Отчего узнается въ глазахъ 64
3. Когда я фавномъ молодымъ 66

Юхано 67
Осенница 68
Городъ 70

ТЕМЬ.

Неустанная дорога 73
Темной ночью по улицѣ шумной 75

стр.
Per aspera 77
Пастораль 79

Улица:

1. Вспоминаю: весна начинается 81
2. Подглядывалъ, высматривалъ 83

Весна:

1. Городская 84
2. Деревенская 85

Разлука:

1. Вѣтеръ, въ стекла не звени 86
2. Стѣны сѣры, даль въ туманѣ 87
3. Я помню близкое навѣки 88

Смерть:

1. Я онѣмѣлъ и не дерзаю 89
2. Пришла и постучалась 91
3. Похорони меня на волѣ 93
4. Я оплакалъ себя, схоронилъ 94

На Смоленское 95
Странникъ 97

Чертяка:

1. На побѣгушкахъ 98
2. Полюбовники 100
3. Мать 102
4. Новолуніе 104
5. Богомолъ 106

Посолъ 108
Изъ казенки 110

Поэтъ:

1. Высокую башню построилъ 112
2. Приползъ къ бѣлой башнѣ 113
3. Трубу къ устамъ твоимъ 115

ИСХОДЪ.

стр.

Безпредѣльна даль поляны 119

Оглавленіе 123
Хронологическій указатель 127

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

1905 г.

I, 25 — Неустанная дорога. IV — Весна, городская. V — Я подъ солнцемъ безпечальнымъ. VI — Зной. VII, 16 — Ярила, 1 и 2. VII, 24 — Великая Мать, 1. IX — Смерть, 2. X. 25 — Дѣвичьи пѣсенки. X — Поэтъ. XI, 12 — Оборотень. XI, 18 — Темной ночью по улицѣ шумной. XII, 16 — Великая Мать, 2. XII, 26 — Валкаланда, 1 и 2. XII — Безпредѣльна даль поляны.

1906 г.

I, 24 — Печера. II, 28 — Весна, 2. III. 5 — Таръ, 1. III, 14 — Таръ, 2. III, 31 — Солнце, 2. III — Сестры. IV, 2 — Солнце, 1. IV, 9 — Млечный путь, 1. IV, 10 — Млечный Путь, 2. IV, 10 — Теремокъ, 1. IV, 15 — Весна, монастырская. V, 2 — Змѣюка. V, 5 — Разлука, 3. Смерть, 4. V, 14 — Смерть, 1. V. 16 — Пастораль. Per aspera. V, 18 — На Смоленское. V, 24 — На побѣгушкахъ. Полюбовники. V, 25 — Мать. V, 28 — Богомолъ. V — Странникъ. VI, 1 — Новолуніе. VI, 14 — Береза. VI, 18 — Предки. VI, 19 — Полюбовницы. VI, 20 — Ярила, 3. VII, 20 — Молчальница. VII — Городъ. VII, 6 — Въ гулкой пещерности. IX. 2 — Посолъ. IX, 4 — Осенница. IX, 9 — Юхано. IX, 19 — Разлука, 1. IX, 20 — Изъ казенки. IX, 23 — Отецъ и сынъ, 1. X, 8 — Разлука, 2. X, 12 — Солнце, 3. X, 15 — Росянка. X, 16 — Отецъ и Сынъ, 2. X — Теремокъ, 2. X, 24 — Смерть, 3. X — Великая Мать, 3. X — Улица, 2. XI, 9 — Улица, 1.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3467
.G2
I37
1907

Цѣна 60 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „ТРУДЪ":

С.-Петербургъ, Невскій, 60. Москва, Тверская, 38.

Товарищество «Вольная типографія», Фонтанка, 94.